

Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными

Эрик С. Райнерт

С Е Р И Я
Э К О Н О М И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я
В Ы С Ш А Я
Ш К О Л А
Э К О Н О М И К И

Экономическая теория (ВШЭ)

Эрик Райнерт

**Как богатые страны стали
богатыми, и почему бедные
страны остаются бедными**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2007

УДК 339.9
ББК 65.5

Райнерт Э. С.

Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э. С. Райнерт — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2007 — (Экономическая теория (ВШЭ))

ISBN 978-5-7598-4015-2

В настоящей книге известный норвежский экономист Эрик Райнерт показывает, что богатые страны стали богатыми благодаря сочетанию государственного вмешательства, протекционизма и стратегических инвестиций, а не благодаря свободной торговле. По утверждению автора, именно такая политика была залогом успешного экономического развития, начиная с Италии эпохи Возрождения и заканчивая сегодняшними странами Юго-Восточной Азии. Показывая, что современные экономисты игнорируют этот подход, настаивая и на важности свободной торговли, Райнерт объясняет это давним расколом в экономической науке между континентально-европейской традицией, ориентированной на комплексную государственную политику, с одной стороны, и англо-американской, ориентированной на свободную торговлю, – с другой. Написанная доступным языком, книга представляет интерес не только для специалистов по экономической истории и теории, но и для широкого круга читателей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 339.9
ББК 65.5

ISBN 978-5-7598-4015-2

© Райнерт Э. С., 2007

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2007

Содержание

Предисловие	7
Благодарности	9
Введение	11
I. Два типа экономической теории	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эрик Райнерт

Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными

Поскольку каждый, кто критикует чужие системы, обязан заменить их своей собственной альтернативой, которая лучше объясняла бы суть вещей, мы продолжим наши размышления, чтобы исполнить этот долг.

Джамбаттиста Вико, La Scienza Nuova, 1725 г.

Erik S. Reinert
HOW RICH COUNTRIES GOT RICH...
And Why Poor Countries Stay Poor

Перевод с английского
Наталии Автономовой
под редакцией
Владимира Автономова

В оформлении обложки использован фрагмент картины Диего Риверы из цикла «История Куернаваки и Морелоса: плантации сахарного тростника». 1930.

Copyright © Erik S. Reinert 2007

© Перевод на рус. яз., оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2011; 2014; 2015; 2016; 2017; 2018

Предисловие

Когда в 1999 году люди впервые вышли на улицы Сиэтла, протестуя против действий Всемирной торговой организации и связанных с ней международных финансовых организаций, и впоследствии, когда эти протесты многократно повторялись в разных местах, демонстранты выступали конкретно против традиционного мышления – той экономической ортодоксии, которая легитимизировала и аналитически обосновала политику и рекомендации этих организаций. Рискую сделаться посмешищем, последние 20 лет эта теория настаивает на том, что саморегулирующиеся рынки приведут к экономическому росту всех стран, если сократить роль государства до минимума.

Эта ортодоксия распространилась в 1970-е годы с рождением стагфляции¹, когда кейнсианская экономика и экономика развития стали подвергаться интеллектуальным нападкам. Фискальные кризисы в государствах всеобщего благосостояния, начавшиеся в 1970-х годах, а также последовавший провал экономик центрального планирования послужили молодой ортодоксии дополнительной поддержкой, несмотря на явный провал монетаристических экспериментов в начале 1980-х. Сегодня только крайние фундаменталисты выступают за экономику, либо полностью саморегулирующуюся, либо полностью управляемую государством.

Эта книга рассказывает об основных экономических и технологических силах, которые надо обуздать, чтобы не мешать экономическому развитию. В ходе анализа Райнерт приходит к выводу, что «развитие недоразвитости» является результатом неразвитости и непопулярности таких видов экономической деятельности, для которых характерны возрастающая отдача от масштаба производства и улучшенный кадровый потенциал, а также производственные мощности. Райнерт приводит исторические экономические примеры в новом контексте.

В книге утверждается, что из истории можно почерпнуть важнейшие экономические уроки, если только не искажать исторические факты. Райнерт предполагает, что для сегодняшних бедных стран наибольший экономический интерес представляет история Соединенных Штатов. Год 1776-й был не только годом первого издания «Богатства народов» Адама Смита, но и годом начала первой современной войны за национальное освобождение – войны против британского империализма. «Бостонское чаепитие», в конце концов, было чисто меркантилистской акцией. Экономическим теоретиком американской революции был не кто иной, как знаменитый министр финансов Александр Гамильтон, признанный сегодня пионером явления, которое принято называть «промышленная политика».

Представим себе, на что была бы похожа экономика США, если бы Конфедерация южных штатов победила северных союзников, если бы в конце XIX века не произошло стремительной индустриализации экономики США. Как утверждают кураторы Смитсоновского музея американской истории, США не удалось бы преодолеть технологическую отсталость, которую американские участники продемонстрировали во время Всемирной выставки 1851 года. Соединенные Штаты могли бы не стать мировым экономическим лидером уже в начале XX века.

Райнерт рассказывает, как после Второй мировой войны было решено применить в Германии, развязавшей две мировые войны, план Моргентау, чтобы низвести ее до уровня сельскохозяйственного государства. Напротив, в Западной Европе и Северо-Восточной Азии (СВА) генерал Джордж Маршалл способствовал рождению послевоенного кейнсианского золотого века: его план по ускорению экономического восстановления этих регионов должен был создать *cordon sanitaire* вокруг молодого советского блока. Помощь, которую Америка оказывала этим странам во время их послевоенного восстановления, была совсем иной, чем та,

¹ Стагфляция = стагнация + инфляция; этот термин изобретен для описания периодов упадка, в которые происходит высокая инфляция.

которую она оказывает бедным странам сегодня; разница состоит не только в объеме помощи, но и в том, что касается финансирования правительственных бюджетов и обеспечения пространства для формирования экономической политики.

Для экономического развития необходимы глубинные, качественные перемены не только экономического, но и общественного строя. Из-за того, что во многих бедных странах понятие экономического развития было сведено к накоплению капитала и перераспределению ресурсов, экономическая отсталость стала постоянной чертой. Эрик Райнерт расширяет наше понимание неравномерного развития, делаясь глубокими познаниями в области истории экономической политики; его книга одновременно захватывает и заставляет задуматься.

К. С. Джомо,

помощник Генерального секретаря ООН по вопросам экономического развития, основатель и председатель Международной сети специалистов по экономике развития

Благодарности

Основные идеи этой книги очень старые, так что прежде всего я обязан многочисленным экономистам, теоретикам и практикам, которые на протяжении последних 500 лет успешно создавали богатство, вместо того чтобы его распределять. Мое знакомство с этими уважаемыми личностями состоялось в 1974–1976 годах. В то время моя жена работала в библиотеке Кресса при Гарвардской школе бизнеса; библиотека специализировалась на авторах-экономистах, живших до 1850 года, и была доступным хранилищем их идей. Мой преподаватель экономической теории в швейцарском университете Санкт-Галлена Вальтер Адольф Йор (1910–1987) был верен некоторым старым экономическим идеям континентальной Европы, а в библиотеке Кресса я познакомился с Фрицем Редлихом (1892–1978), представителем немецкой исторической школы, который ввел меня в мир идей Вернера Зомбарта.

Все оригинальные положения, описанные в этой книге, в зачаточном состоянии содержит моя диссертация, написанная в 1978–1979 годы. Эти идеи были вдохновлены, помимо мыслителей древности, несколькими людьми и организациями: Томом Дэвисом, который преподавал экономическую историю и подал мне идею о важности дифференциации экономической деятельности; Бостонской консультативной группой с ее подходом к измерению человеческого обучения и опыта; Ярославом Ванеком, который дал имя теореме Хекшера – Улина – Ванека о международной торговле и который осознал, насколько в определенных обстоятельствах международная торговля может быть вредна для благосостояния государства. Обстоятельно развенчав традиционную теорию международной торговли, он подтвердил мое всегдашнее к ней интуитивное недоверие. Джон Мюрра из Корнельского университета открыл для меня мир докапиталистических обществ. Классическая экономика развития с кумулятивными каузациями Мюрдала служила мне необходимым теоретическим фоном.

С тех пор как я вернулся к научным исследованиям в 1991 году, пятеро экономистов и историков экономики из предыдущего поколения щедро одаряли меня советами и поддерживали мое убеждение в том, что многие старые идеи в современном мире скорее немодны, чем неверны; это Мозес Абрамовиц, Роберт Хайлбронер и Дэвид Лэндс в Соединенных Штатах, а также Кристофер Фримен и Патрик О'Брайен в Великобритании. Им я посвящаю эту книгу. Они поддерживали жизнь в древней традиции реалистичной экономики, которая почти вымерла во время холодной войны, когда схлестнулись две утопии – гармония планирования и автоматическая гармония рынка.

Мнение Карлоты Перес о том, как происходит технологический прогресс, также производило на меня сильное впечатление; я благодарен ей за готовность быть моим активным теоретическим спаринг-партнером. За эту готовность я также благодарю моих коллег из Таллинского технологического университета Вольфганга Дрекслера и Райнера Каттеля. К 1991 году сформировалась современная эволюционная экономика, и теоретические построения Ричарда Нельсона помогли мне сформировать собственную теорию. В этом мне помогла посткейнсианская экономика Яна Крегеля, институциональная экономика Джеффри Ходжсона, экономика развития К. С. Джомо и движение GLOBELICS, начатое Бенгтом-Оке Лундваллом. Большое спасибо также всем участникам семинаров «Другой канон» в Осло и Венеции, в частности Даниэлю Арчибуджи, Брайену Артуру, Юргену Бакхаусу, Хелен Бэнк, Антонио Барросу де Кастро, Ане Селии Кастро, Ха-Джун Чангу, Марио Чимоли, Дитеру Эрнсту, Питеру Эвансу, Рональду Дору, Вольфгангу Дрекслеру, Яну Фадербергу, Кристоферу Фримену, Эдварду Фулбруку, Джеффри Ходжсону, Али Кадри, Тармо Кальвету, Яну Крегелю, покойному Санджайе Лаллу, Тони Лоусону, Бенгту-Оке Лундваллу, Ларсу Магнуссону, Ларсу Мьесету, Альфреду Новоа, Кейт Нерс, Патрику О'Брайену, Эйпу Озверену, Габриэлю Пальма, Картоле Перес, Козимо Перротте, Анналисе Прими, Сантьяго Роке, Брюсу Скотту, Ричарду Сведбергу, Яшу

Тандону (который открыл для меня африканскую реальность и рассказал об имперском факторе), Мареку Тиитсу и Франческе Виано.

Мои коллеги и студенты из многих университетов после знакомства с моими идеями комментировали их и подавали ценные мысли. Особенно я благодарен университетам, куда я неоднократно возвращался в качестве приглашенного преподавателя; это ESAN, школа бизнеса в Лиме (Перу), Федеральный университет Рио-де-Жанейро, факультет Азии и Европы Малайского университета в Куала-Лумпуре. Шесть лет преподавания в рамках Кембриджской программы по переосмыслению экономики развития, а также связанных с этой программой курсов «Другой канон» в странах третьего мира дали мне шанс почувствовать себя частью группы, формирующей новый взгляд на экономическое развитие. Основные инициативы финансировались Фондом Форда, один из сотрудников которого, Мануэль Монтез, внес значительный вклад в создание новой экономики развития. В последние годы участие во встречах и процессах системы ООН – CEPAL / ЭКЛАК, Департамента экономических и общественных дел (DESA), Южной комиссии, ЮНКТАД и ПРООН – было для меня крайне полезным в плане новых идей и знакомств. Спасибо также Йону Бингену и Норвежскому институту стратегических исследований за поддержку моего исследования успешных стратегий национального развития. Спасибо Норвежскому инвестиционному форуму, Ассоциации судовладельцев Норвегии и Фонду Лейфа Хега за экономическую поддержку проекта «Другой канон».

В 1999 году я провел два дня с группой ученых, пытавшихся разработать альтернативный набор предпосылок для экономической науки, которая строилась бы снизу вверх, исходя из фактов жизни, а не сверху вниз, исходя из идей физики (Приложение II). Отдельное спасибо Леонардо Бурламаки, Ха-Джун Чангу, Майклу Чу, Питеру Эвансу и Яну Крегелю. Большое спасибо Вольфгангу Дрекслеру, Кристоферу Фримену, Райнеру Каттелю, Яну Крегелю и Карлоте Перес, которые предложили мне прочесть и прокомментировать рукопись книги. Они совершенно не виноваты в моем упорстве.

Отдельное спасибо Дэну Хайнду, ранее сотруднику издательства «Констэбл и Робинсон», благодаря которому был запущен процесс, завершившийся выходом этой книги. Спасибо также моим редакторам Ханне Бурселл и Яну Чемье, и особенно Джейн Робертсон, которой чудом удалось удержать меня в рамках сроков.

Эта книга – настоящий семейный проект. Когда мои сыновья Хьюго и Софус были маленькими, они иногда спрашивали меня: «Почему мы все время ездим в страны, где люди так бедно живут?» Теперь, когда они оба защитили диссертации в Кембридже, они стали для меня ценными консультантами. Их имена есть в библиографии этой книги. Кроме того, это они предложили перемежать теорию с описаниями личного опыта. Краткая версия этой книги была издана на норвежском языке в 2004 году, большая часть ее была переведена Софусом и моей женой Фернандой.

Наконец, моя главная благодарность – Фернанде, которая знала меня еще до того, как летом 1967 года зародился этот проект. Без ее верности, поддержки и отваги в ситуации, когда вокруг нас постоянно сменялись обстановка, страны, языки и проблемы (причем это касается и прочих, еще более рискованных и донкихотских моих проектов), я никогда бы не приобрел опыт, необходимый для написания этой книги.

Введение

Разрыв между бедными и богатыми на нашей планете сегодня достиг рекордной величины и продолжает расти. Несмотря на огромные денежные вливания, осуществленные за время декад развития, начавшихся в 1970 году, несмотря на триллионы долларов, потраченные на помощь в развитии, ситуация остается удручающей. Половина населения Земли имеет доход менее 2 долл. в день. В некоторых странах максимальный уровень реальной заработной платы был зафиксирован еще в 1970-е годы. Согласно оценкам экспертов, в 1750 году разрыв между самыми богатыми и самыми бедными странами выражался отношением 2:1; с тех пор он существенно увеличился.

Цель этой книги – объяснить, почему это происходит, причем так, чтобы объяснения были понятны заинтересованному непрофессионалу из любой страны мира. Не нужно считать эту книгу попыткой популяризовать идеи доминирующей экономической теории. Напротив, автор стремится забыть ортодоксию сегодняшней экономической политики и воскресить давнюю экономическую традицию, опираясь на главный аргумент, который доступен только экономистам – исторический опыт.

Человечество платит огромную цену за бедность. Годы жизни, потерянные из-за младенческой и детской смертности, болезней, которые можно было предотвратить, и из-за общего низкого уровня продолжительности жизни, складываются в чудовищные цифры. Гражданские войны и конфликты из-за нехватки ресурсов причиняют людям боль и страдание, которых в богатых странах, как правило, удастся избежать. Добавим сюда влияние, которое оказывает на бедняков ухудшающаяся экология: бедные сообщества легко оказываются в ситуации порочного круга, когда единственным способом удовлетворить нужды растущего населения становится все более жестокая эксплуатация природы.

С момента падения Берлинской стены в 1989 году мировой экономический порядок подчинен экономической теории, которая «доказывает» прямо противоположное тому, что мы наблюдаем на практике. Предполагается, что свободная международная торговля сократит разницу в доходах жителей бедных и богатых стран. Предполагается, что, если человечество не будет вмешиваться в действие естественных сил рынка, т. е. применит принцип *laissez-faire*, в мире воцарятся экономическая гармония и прогресс. Еще в 1926 году Джон Мейнард Кейнс (1883–1946), английский экономист, поставивший 1930-м годам диагноз «депрессия», написал книгу под названием «Конец *laissez-faire*». Однако в 1989 году факт падения Берлинской стены породил почти религиозную эйфорию по поводу свободного рынка, возродил мечты о мировой экономике, которая, наконец, будет соответствовать теории. Первый генеральный секретарь Всемирной торговой организации (ВТО) Ренато Руджеро объявил, что необходимо дать свободу потенциалу экономики без границ выровнять отношения между странами и регионами. Это убеждение лежит в основе идеологии Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка, международных финансовых организаций, которые с начала 1990-х годов руководят делами в большинстве бедных стран. Во многих странах это руководство привело к катастрофе.

Сегодня целая пропасть отделяет реальность стран третьего мира от идей Руджеро и мировых финансовых организаций. Вместо гармонии, предсказанной пророками нового мирового порядка, мы видим голод, войны и признаки экологической катастрофы. Постепенно мы начинаем снова принимать реальность в расчет. В 1992 году Фрэнсис Фукуяма, американский философ, специалист по международной политике и защитник либеральной демократии, в своей книге «Конец истории и последний человек» приветствовал конец холодной войны как «конец истории». Однако уже в 2006 году в книге «Америка на распутье» (М.: АСТ, 2008) он отказался от своих взглядов. Он пишет, что неоконсерваторы, похоже, считали демократию

естественным состоянием, в которое попадает государство сразу после того, как в нем происходит принудительная смена режима, а не результатом длительного трудоемкого процесса построения государственных институтов и проведения реформ.

В этой книге я говорю о том же, но с точки зрения экономиста. Неолибералы утверждали, что стоит только перестать контролировать работу рынка, как в мире сами собой наступят благосостояние и экономический прогресс; их не придется долго и последовательно создавать. В плане понимания экономического роста мир сейчас проходит стадию развития, которую Фрэнсис Фукуяма прошел с 1992 по 2006 год.

Мир и раньше сталкивался с тем, насколько теории экономической гармонии отличаются от жестокой экономической реальности. Мы должны считаться с этим опытом, поэтому отказаться от теории, которая считает экономическую гармонию автоматическим следствием божественным или математическим образом спланированной гармонии. Вернувшись к теории, которая считает экономическую гармонию результатом сознательной политики, мы пойдем по стопам одного из величайших деятелей европейского Просвещения, французского философа Вольтера.

15 – 16 января 1759 года Вольтер тайно разослал экземпляры нового романа «Кандид, или Оптимизм» в Париж, Амстердам, Лондон и Брюссель. После того как книги были доставлены в эти центры европейской книготорговли, они были напечатаны в один заранее намеченный день по всей Западной Европе, что было для того времени инновационным рыночным ходом. Подобный тактический ход имел две причины. С одной стороны, Вольтер стремился продать как можно больше книг до того, как пираты лишат его законной прибыли; с другой стороны, он хотел донести свою революционную мысль до максимально широкой аудитории, прежде чем власти осознают всю опасность его идей и примут меры. И действительно, очень скоро полиция начала изымать экземпляры «Кандида» по всей Европе и уничтожать станки, на которых они печатались. Ватикан внес труд Вольтера в список запрещенных книг. Однако все было напрасно: эта небольшая книга стала издательским феноменом XVIII века, интеллектуальным цунами, который не могли сдержать даже дамбы, возведенные совместными усилиями политической и религиозной властей.

Роман Вольтера рассказывает историю молодого Кандида, который без особого на то желания покидает родной дом, чтобы познать мир, «лучший из всех возможных миров», по словам его мудрого учителя метафизико-теолого-космологонии профессора Панглоса. Книга атакует бездеятельный, оптимистичный детерминизм, слепо доверяющий внешним силам – провидению, вере, богам или рынкам – полномочия претворять в жизнь перемены и трансформацию. Кандид сталкивается с чудовищным реальным миром бедности, мародерствующих армий, религиозных преследований, землетрясений и кораблекрушений, миром, где его невесте, прелестной Кунегунде, солдаты вспарывают живот, предварительно изнасиловав, а самого Кандида продают в рабство. Все это время Панглос продолжает проповедовать, что это лучший из всех возможных миров, пока Кандид, наконец, не задается вопросом: «Если это лучший из возможных миров, то каковы же другие?»

«Кандид» был попыткой Вольтера освободить Европу из тисков умственного рабства профессора Панглоса. Сегодня многие лидеры экономической ортодоксии находятся в плену подобного чудовищного оптимизма и нуждаются в освобождении от него. Сегодняшняя Панглосова экономическая теория строится сверху вниз – на основании произвольно выбранных предпосылок и метафор из астрономии и физики. Эта теория описывает гармоничную вселенную, сшитую точно по мерке правящей теоретической моды. Альтернативная теория, которую некоторые из нас пытаются возродить, напротив, строится снизу вверх – на основании наблюдений за реальностью, зачастую равнодушной к экономическому развитию. Вместо того чтобы пытаться устранить препятствия на пути к процветанию, необходимо смотреть на развитие объективно – как на следствие сознательной и решительной политики.

Отличительная черта Панглосовой логики в том, что все происходящее она объясняет вопреки здравому смыслу. Так, мировые финансовые организации иногда утверждают, что массовый исход отчаянно бедных людей из стран третьего мира, где они не могут найти работу, – это благо, потому что их денежные переводы безработным родственникам, оставшимся дома, улучшают общий баланс выплат в бедных странах. При этом ежедневно бесчисленное количество иммигрантов рискуют жизнью, пытаясь попасть из стран с избыточным населением в страны с избыточным богатством. Многие из них погибают в пути, а те, кто выживает, страдают от эксплуатации и враждебного отношения к себе в чужих странах – все ради того, чтобы спасти семьи от голодной смерти.

Другая особенность подобного мышления заключается в том, что базовые предпосылки модели «лучшего из всех возможных миров» никогда не ставят под сомнение. Факты реальности фильтруют таким образом, чтобы отсеять все наблюдения, противоречащие предсказанным последствиям. Если же реальность агрессивно заявляет о себе, как сегодня, объяснения изыскивают вне основной модели. Бедность провозглашают следствием расовых, культурных или географических особенностей; ее причину находят в чем угодно, кроме ортодоксальной экономической теории. Поскольку Панглосова экономическая модель считается совершенной, ее провал просто обязаны объяснять неэкономические факторы.

Мысль Вольтера, а также причина, по которой власти делали все возможное, чтобы эту мысль искоренить, заключалась в том, что мир несовершенен, что каждый должен активно стараться его улучшить, а не пускать события на самотек. Чтобы сохранить гражданское общество, не говоря уже о том, чтобы достичь какого-то прогресса, необходимы усилия и постоянная бдительность. Реформы Просвещения и коммерческие общества, появившиеся тогда в Европе, были многим обязаны духу «Кандида». В XXI веке, когда мы начинаем осознавать величие космоса и случайность эволюции, мысль Вольтера о том, что мир, возможно, не был создан с учетом всех капризов и предпочтений человечества, должна казаться очевидной. Однако экономисты и политики сегодня твердят нам со всей уверенностью и авторитетностью мертвых теологов, что мир был бы идеален, начни мы только практиковать *laissez-faire* и позволим индивидуальным инстинктам, которые принято считать рациональными, свободно взаимодействовать друг с другом, безо всякого вмешательства, кроме самого необходимого. Некоторые даже утверждают, что нужно приватизировать основные общественные институты, например законодательную систему, и доверить все общество целиком чудесной гармонии рынка; предполагается, что теоретический совершенный рынок страхования в таком случае будет охранять нас от приватизированного правосудия.

Но гармония не является естественным состоянием общества. Наивно думать, что законы космоса (если они вообще существуют) всегда на стороне общества и что, слепо подчинившись им, человек достигнет гармонии. Веру в рынок зачастую трудно отличить от веры в провидение или в доброту божественной силы. С какой стати космос должен быть скроен по мерке таких идиосинкратических и исторически условных понятий, как «капитализм» и «глобализация»? Избавившись от фантастической идеи, что обогащением народов управляют законы природы, мы можем приступить к оценке того, как и почему определенные экономические принципы в прошлом оказывались для обогащения народов плодотворными и как мы можем использовать этот успешный опыт в будущем.

Критическая мысль Вольтера была, в частности, направлена против *les économistes*, группы, которую в истории экономической мысли называют физиократами (по аналогии с демократией – правлением людей, физиократия означает правление природы). Доминирующая сегодня экономическая наука считает, что ведет свое начало от физиократов, которые верили, что богатство народов должно происходить исключительно от сельского хозяйства. Однако физиократы доминировали на экономической арене недолго, а там, где они задержались у власти (как во Франции), их принципы привели к нищете и голоду. Почти все важней-

шие европейские мыслители той поры – от французов Вольтера и Дидро до итальянца аббата Галиани и шотландца Давида Юма – были яростными антифизиократами. Даже во Франции, на родине физиократии, лучше всего продавались и были наиболее влиятельными экономические труды авторов антифизиократов, а до Англии движение физиократов вообще не добралось. Борьба Вольтера с физиократами интересна нам среди прочего тем, что изучая одну теорию, мы одновременно получаем информацию об аналогичных теориях – тех, что приводят к аналогичным результатам в аналогичных обстоятельствах. Сегодня движение «Право на питание» (Right to Food) признает, что право человека на питание может входить в конфликт с принципами свободной торговли; в 1774 году, когда назревала французская революция, этот же аргумент звучал из уст французского антифизиократа Симона Ленге. Хотя антифизиократы и одержали тогда победу в плане практической деятельности, в сегодняшних учебниках по экономической науке эта победа не отражена. История экономической мысли существует в достойной изумления изоляции от того, что на самом деле происходило не только в экономической политике, но и в смежных дисциплинах, таких как философия – вотчина Вольтера.

Книга, которую вы держите в руках, начинается с описания типов экономического мышления, а продолжается рассуждением о том, почему необходимо положить конец почти всемирной монополии доминирующей сегодня экономической теории. Теория торговли английского экономиста Давида Рикардо², датированная 1817 годом, стала осью всемирного экономического порядка. Хотя мы видим, что свободная торговля в некоторых обстоятельствах делает людей беднее, а не богаче, правительства западных стран продолжают на ней самодовольно настаивать, а в качестве поощрения за ее принятие предлагают бедным странам большую финансовую помощь. Получается, что добрые намерения тех, кто призывает оказывать больше помощи бедным странам, служат прикрытием безрассудству сегодняшней экономической ортодоксии в ее практическом воплощении. Таким образом, пока идеализм и щедрость покрывают сюрреалистическую, а иногда криминальную и коррумпированную реальность, догма глобальной свободной торговли продолжает царить в мире. Понимание проблем, которые несет в себе правящая экономическая теория, и воскрешение альтернативных подходов – это необходимая отправная точка.

В *первой главе* книги рассказано о существующих типах экономической теории, а также о той разнице, которая зачастую существует между «высокой теорией» и практической реализацией ее экономических принципов. Во *второй главе* прослеживается череда авторов, которые сегодня считаются каноническими, от физиократов до Адама Смита с Давидом Рикардо и далее, до стандартной теории учебника по экономике. Этой ветви развития противопоставлен куда более старый и менее абстрактный Другой канон экономической науки, тот самый, который определял экономические принципы во времена, когда нынешние богатые страны совершали исторический переход от бедности к богатству; он сформировал, к примеру, успешную политику, которую Англия вела с 1485 года, а также породил План Маршалла, начатый после Второй мировой войны.

В *третьей главе* я утверждаю, что у истоков успешного развития лежит то, что экономисты просвещения называли эмуляцией (*англ.* emulation)³, а вовсе не сравнительное преимущество или свободная торговля. В данном контексте эмуляция – это имитация с целью сравняться или превзойти. Если племя, живущее через реку, сделало шаг в развитии от каменного

² Давид Рикардо (1772–1823) был английским политическим экономистом, который защищал международную теорию торговли на основании сравнительного преимущества: по ней страна должна была специализироваться в том, в чем она относительно наиболее эффективна (наименее неэффективна) по сравнению со своим торговым партнером. Его книга «Принципы политической экономии и налогообложения» вышла в 1817 году.

³ О важности эмуляции см.: Hont Istvan. Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective. Cambridge, Mass., 2005.

к бронзовому веку, то ваше собственное племя стоит перед выбором: придерживаться своего сравнительного преимущества в каменном веке либо попытаться эмулировать соседнее племя и вырасти вслед за ним до уровня бронзового века. До Давида Рикардо никто не сомневался, что эмуляция – это лучшая возможная стратегия, так что исторически главным следствием теории торговли Рикардо стало то, что она впервые позволила оправдать колониализм с этической точки зрения. Мы полностью забыли тот факт, что все страны, которые сегодня богаты, обязательно проходили через период, когда эмуляция была их главной стратегией; мы объявили незаконными ключевые инструменты, необходимые для эмуляции. В третьей главе история экономических стратегий – знание того, какие стратегии в прошлом успешно способствовали развитию – используется для разработки теории неравномерного экономического развития. Сегодняшняя экономическая наука подобных научных изысканий не признает. Вместо этого в современной теории торговли экономическая гармония считается базовой предпосылкой.

В защиту свободной торговли существует много аргументов, но теория Давида Рикардо, как утверждается в *четвертой главе*, к этим аргументам не относится. Детальное изучение экономики производства позволяет понять, что лучшие аргументы в защиту глобализации являются одновременно и лучшими аргументами против преждевременного вступления бедных стран в мировую экономику. Теория Рикардо оказывается верной во многих случаях, но причины, по которым она оказывается верна, неверны. Рикардианскую теорию высоко ценят как левые, так и правые политики, поэтому критиковать ее весьма сложно. Правые политики считают теорию торговли Рикардо доказательством того, что капитализм и неограниченная международная торговля – благо для жителей планеты. Преимущество свободной торговли доказывается на основании того, что экономисты называют трудовой теорией ценности, т. е. учения о том, что человеческий труд – это единственный источник ценности. На этой теории основывается также марксистская идеология. По моему мнению, трудовая теория ценности куда лучше подходила для того, чтобы убедить промышленных рабочих XIX века выйти на улицы, чем для того, чтобы объяснять происхождение богатства и бедности в современном мире.

Польский математик Станислав Улам однажды спросил нобелевского лауреата по экономике Пола Самуэльсона, в 1949 году утверждавшего, что свободная торговля приведет к сокращению разницы в доходах во всех странах мира, известна ли ему экономическая идея, которая была бы универсально истинна, но при этом неочевидна. Самуэльсон назвал принцип сравнительного преимущества; согласно этому принципу, свободная торговля между двумя странами обязательно будет взаимовыгодной, если у них неидентичные относительные издержки производства. Получается, что тот, кто критикует философское основание доктрины свободной торговли, не просто подвергается нападкам со стороны обоих политических флангов – и левого, и правого, но ставит под сомнение притязания экономической науки на точность. Эта книга возрождает традицию, согласно которой экономика не только не является точной наукой, но и никогда не сможет ею стать.

В *пятой главе* утверждается, что во многих бедных странах мы наблюдаем процессы, противоположные развитию и прогрессу, – регресс и примитивизацию. Механизмы, приводящие к примитивизации, даны на примере Монголии, Руанды и Перу. Возвращаясь к приведенному выше примеру двух племен, можно сказать, что еще несколько десятилетий назад повсеместно признавалось, что даже не самое развитое племя может повысить свой уровень жизни, войдя в бронзовый век. Однако Берлинская стена погребла под собой понимание того, что лучше иметь в стране неэффективный сектор обрабатывающей промышленности, чем не иметь его вообще. Новая экономическая логика привела к падению уровня реальной зарплаты во многих странах Восточной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

В *шестой главе* обсуждаются способы решения проблем бедности, которые в последнее время предлагает человечеству мейнстримовая экономическая наука. Чтобы найти лекарство

от бедности, надо отличать базовые аспекты экономического развития от явлений, которые являются сопутствующими или даже симптомами проблемы. В главе утверждается, что из-за своего нежелания критически оценить основные метафоры, предпосылки и постулаты стандартной экономической науки, современные экономисты шли по длинной цепочке ложных следов: они искали корни проблемы где угодно, только не в системе производства. Те же люди, что стояли у власти в 1990-е годы, продолжают оставаться идеологическими лидерами процесса, который в конечном итоге должен привести к восстановлению экономики бедных стран. Это так же умно, как просить совета о градостроительстве у гунна Атиллы.

В *седьмой главе* я утверждаю, что знание исторического процесса развития может уберечь нас от стратегии, которая внешне кажется логичной, но в реальности может быть чрезвычайно разрушительной. Бедным странам навязывают свободную торговлю, а богатые страны в это время ограничивают импорт сельскохозяйственной продукции из стран третьего мира и субсидируют собственное сельское хозяйство. Мы придаем большое значение отказу от этой несправедливой политики, однако, как мы увидим на примерах из XVIII века, отказ от сельскохозяйственных тарифов – это давно известный прием из арсенала колониальной политики. Какой бы несправедливой ни казалась нам эта практика, если мы слишком сконцентрируемся на ней, то рискуем попасть в Панглову ловушку: только при *идеально* свободной торговле и *laissez-faire* мечты об экономической гармонии претворяются в реальность. Сегодня ВТО утверждает, что южные страны остаются бедными, потому что северные защищают свое сельское хозяйство. Я пытаюсь доказать: чтобы голодающий юг разбогател, недостаточно просто дать ему возможность продавать свои продовольственные товары на север.

Мы не сможем сделать бедных богатыми при помощи прямолинейной, наивной доброты. Мир настолько сложен, что надо думать о системных и долгосрочных результатах наших действий. Вполне естественно, что люди, которые видят отсталое сельское хозяйство Африки, хотят помочь Африке, сделав это сельское хозяйство эффективней. Однако философ и экономист времен Просвещения Давид Юм предполагал, что лучший способ увеличить эффективность сельского хозяйства – пойти круглым путем и увеличить сначала эффективность обрабатывающей промышленности; исторические факты последней тысячи лет подтверждают его идею. В экономической науке периода Просвещения поиск оптимального баланса между разными экономическими секторами считался одной из важнейших задач; сегодня же эта задача полностью забыта.

Если мы сами станем есть меньше, в третьем мире еды от этого не прибавится: сегодняшний голод – это следствие недостаточной покупательной способности, а не недостаточного количества еды в мире. Точно так же, закрыв сельское хозяйство стран «первого» мира, мы не поможем развить его в третьем мире. В книге я утверждаю, что нам необходимо заключить сделку, согласно которой странам «первого» мира разрешалось бы защищать свое сельское хозяйство (но не разрешалось бы скидывать излишки его производства по бросовой цене на мировые рынки), а странам третьего мира разрешалось бы защищать свою обрабатывающую промышленность и сектор продвинутых услуг. Это единственная политика, которая в последние 500 лет обеспечивала странам успешное экономическое развитие.

Человечество забыло, как богатели многие страны, а ведь прошло всего 50 лет. Теперь наши попытки решить проблему бедности, пусть и предпринимаются из самых лучших побуждений, направлены лишь на облегчение симптомов бедности, а не на искоренение ее глубинных причин. В главе рассказывается о составляющих проекта «Цели тысячелетия»: в два раза сократить количество людей, живущих на 1 долл. в день, уменьшить количество голодающих и больных, снизить детскую смертность, способствовать распространению образования и улучшению экологии. Я утверждаю, что цели тысячелетия и кампания по борьбе с бедностью ориентированы скорее на облегчение страданий, которые приносит людям бедность, недостаточно уделяя внимания структурным изменениям, которые способствовали бы экономическому раз-

витию бедных стран. Сегодняшний подход приведет не к созданию демократии и развития, какими бы благородными ни были намерения его идеологов, а к разрушительному благотворительному колониализму, позволяющему богатым странам сохранять свою власть над бедными. Я не хочу сказать, что мы не должны пытаться облегчить страдания бедных путем денежной помощи, но мы должны решить другую, не менее важную задачу – как бедным странам стать богаче без нашей помощи. Сторонники свободной торговли часто прибегают к подобным аргументам, защищая свою политику, но между ними и мной есть принципиальное различие: когда я говорю, что для бедняков мира развитие важнее помощи, то выступаю за развитие, которое послужит интересам бедняков, и против того, чтобы они пассивно принимали денежные переводы, которые в итоге приведут их к скрытой форме колониальной зависимости.

В *заключительной главе* рассказывается, как создавать страны среднего достатка, в которых все граждане имеют цель и право на предметы первой необходимости и предметы минимальной роскоши. С точки зрения теории и экономической политики, чтобы этого достичь, не требуется радикальных мер. Требуется лишь вернуться к стратегиям торговли и развития, которые были в ходу сразу после окончания Второй мировой войны, в том виде, в котором они были зафиксированы, например, в 1948 году в Гаванской хартии ныне не существующей Международной организации торговли. Иными словами, требуется подчинить абстрактную цель установления свободной торговли другим целям, напрямую связанным с благосостоянием людей.

Эту книгу я писал преимущественно для трех групп читателей. Во-первых, главная теоретическая задача этой книги состоит в том, чтобы показать моим коллегам-экономистам, почему стандартная теория международной торговли в том виде, в каком она сегодня применяется, неуместна и даже вредна, когда в торговые отношения вступают страны, находящиеся на разных уровнях развития. Теоретическая база этой книги – эволюционная, или Шумпетерова экономическая наука⁴, с добавлением давно известных и современных элементов теории исторической и институциональной школ. Экономическая теория Йозефа Шумпетера (1883–1950) сегодня в моде, эта книга верна предпочтению, которое Шумпетер оказывал учениям континентальных экономистов перед теориями их британских современников, Адама Смита (1723–1790) и Давида Рикардо (1772–1823). Вспомним, что вердикт Шумпетера относительно абстрактной теории Рикардо был весьма однозначен: «Это превосходная теория, которую никогда нельзя будет опровергнуть, – в ней есть все, кроме смысла»⁵. Так же как главные экономисты XX века Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) и Йозеф Шумпетер, эта книга защищает принципы до-Смитовой экономической науки, так называемого меркантилизма. Профессиональным экономистам, вероятно, интереснее покажутся приложения к книге.

Во-вторых, я хотел, чтобы читатели, которые не имеют специального образования, закончив читать книгу, поняли ее главную мысль. Сложный экономический язык, который я попытаюсь демистифицировать, маскирует неоспоримый факт: богатые страны разбогатели благодаря тому, что десятилетиями, а иногда и веками их правительства и правящая элита основывали, субсидировали и защищали динамичные отрасли промышленности и услуг. Все они эмулировали наиболее процветающие страны своего времени, развивая производственные структуры в тех областях, где был сконцентрирован технологический прогресс. Таким образом, они создавали ренту (прибыль, превышающую нормальный уровень дохода), которая распространялась на капиталистов в форме более высоких прибылей, на рабочих в форме более высоких зарплат и на правительство в форме больших налоговых поступлений. По сути своей колониализм – это система, которая стремится не допустить развития этих эффектов в колониях.

⁴ Ее первыми авторами были Торстейн Веблен (1857–1929) и Йозеф Шумпетер (1883–1950); авторы ее современной версии – Ричард Нельсон и Сидни Уинтер (An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge, Mass., 1982), а также Джованни Доси с соавторами (Technical Change and Economic Theory. London, 1988).

⁵ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 620.

Колонии (бедные страны) специализируются на видах деятельности, для которых типична хотя бы одна из следующих черт: во-первых, скорее убывающая, чем возрастающая отдача; во-вторых, они лишены потенциала по накоплению знаний и технического опыта; в-третьих, плоды этого накопления, вместо того чтобы приводить к богатству самой страны, приводят к снижению цен на ее продукцию для покупателей из богатых стран. То, что мы называем развитием, является рентой, основанной на знании и технологиях, и эту ренту зачастую подкрепляет, а не наоборот, свободная торговля между странами, стоящими на разных уровнях развития. Из этого следует, что одни страны специализируются на богатстве, а другие в соответствии со своим сравнительным преимуществом – на бедности.

И профессионалы, и непрофессионалы должны оценить тот факт, что основная разница между богатыми и бедными странами в том, что все богатые страны прошли этап развития *без* свободной торговли, который в случае своей успешности приводил к тому, что свободная торговля становилась им выгодна. Эта стадия в истории нынешних развитых стран сегодня запрещена: бедным странам не разрешается эмулировать экономический строй богатых стран. Рынки способны чудодейственным образом искоренить бедность не больше, чем решить проблемы глобального потепления или загрязнения окружающей среды. Только уверенная в себе и решительно настроенная общественность богатых стран может обеспечить правительствам бедных стран возможность свободно принимать решения, которые были бы выгодны жителям этих стран. Это значит, что мы должны отвергнуть и предполагаемую рациональность ортодоксии свободной торговли, и этичность «справедливой» системы глобальной торговли. Справедливая торговля в сегодняшнем мире может вообще не коснуться проблемы нищеты. Это также значит, что мы должны следить за своими правительствами, чтобы они не вмешивались во внутренние дела бедных стран. Эти меры гораздо скорее, чем агитация за снижение тарифов на сельскохозяйственную продукцию, помогут бедным людям во всем мире.

В заключение я хотел бы обратиться к тем, кто живет в бедных странах, к третьей группе моих читателей. Я надеюсь, что эта книга поможет вам понять механизмы создания богатства и бедности и создаст понятийный аппарат, в рамках которого можно будет начать обсуждение способов искоренения бедности в ваших странах. Понимание этих механизмов положит начало обсуждению проблемы и поможет найти стратегию, которая заполнит свободное пространство для политических маневров, которое сейчас открывается для бедных стран. Я постарался не указывать, что считаю нужным сделать для стимуляции развития, но предположить, что посоветовали бы сделать великие инженеры развития Европы и Соединенных Штатов. Я надеюсь, что итоговой будет следующая идея: чтобы понять причины процветания Европы и Америки, надо изучать стратегию и тактику тех, кто это развитие создавал, а не советы их забывчивых последователей.

I. Два типа экономической теории

Парадигма способна, если уж на то пошло, даже изолировать общество от социально значимых проблем, которые нельзя сформулировать в виде задачи, потому что они не могут быть изложены при помощи понятийных инструментов, которыми располагает эта парадигма.

Томас Кун. «The Structure of Scientific Revolutions». 1962

Даже сейчас, много лет спустя, я прекрасно помню день, в который начал работать над этой книгой, несмотря на то что Вольтера я тогда я еще не успел прочесть. Это случилось в 1967 году, в начале июля, во время моих последних школьных каникул. Я стоял на вершине самой большой свалки в Лиме (Перу). Открывался отличный вид на свалку и трущобу рядом с ней – хибару, построенную из старых стальных барабанов. Снаружи хижину украшали жизнерадостные разноцветные флажки, которые трепал ветер. Когда мы проходили мимо, хозяин пригласил зайти выпить с ним чаю. В Перу я приехал как гость перуанской организации по развитию местных сообществ. Осенью я должен был возглавить кампанию по сбору средств среди школьников Норвегии; мы собирали деньги на строительство школ в Андах. Это происходило так: на один день школьников Норвегии, Швеции и Финляндии освобождали от занятий и они собирали пожертвования. На эти пожертвования потом были куплены материалы для строительства небольших школьных зданий.

Я провел в Перу всего два дня. Меня удивляло, что люди, которых я видел за работой, – носильщики в аэропорту, водители автобусов, персонал в гостинице, продавцы в магазинах – работали ничуть не менее эффективно, чем их коллеги в Норвегии. Почему же люди здесь так бедны? Впоследствии мой вопрос приобрел более зрелую форму: что такого особенного в этом рынке, который вознаграждает людей с одинаковым уровнем производительности настолько разными доходами в разных странах? На следующий день после чаепития на свалке, когда вонь от мусора почти выветрилась из моей одежды и волос, я вместе с другими школьниками из Швеции и Финляндии, занятыми в кампании, обедал с президентом Фернандо Беланде в президентском дворце. Все мы понимали, что строительство школ – это хорошая идея, но никто не понимал, откуда берется бедность. Дома я решил поискать ответ на этот вопрос в энциклопедии, но безрезультатно. Мое любопытство росло. Почему, как недавно подсчитал Всемирный банк, водитель автобуса во Франкфурте получает реальную зарплату, в 16 раз большую, чем не менее профессиональный водитель автобуса в Нигерии? Я решил найти ответ на этот вопрос. В результате родилась книга, которую вы держите в руках.

Закончив университет в Швейцарии, а затем получив степень магистра делового администрирования в Гарварде, я открыл маленькое обрабатывающее производство в Италии. Однако вопрос, зародившийся на свалке в Лиме, не оставлял меня. Мне казалось странным, что он не интересует почти никого, кроме меня.

В 1967 году, как и сегодня, экономисты утверждали, что свободная торговля способствует экономическому равенству, нивелируя зарплаты бедных и богатых людей по всему миру. Более того, считается, что свободная торговля – это система, в которой нет проигравших. В определенные исторические периоды – в 1760, 1840 и 1990-е годы – возникало коллективное убеждение, «доказанное» экономической наукой, что если специалист по высоким технологиям и посудомойка, живущие в разных странах, начнут обмениваться, то они внезапно начнут получать одинаковые реальные зарплаты. За расцветом этих теорий в 1760, 1840-е годы и сейчас неизменно следовали крупные общественные проблемы и даже революции, которые прекращались, когда научное сообщество вновь захватывали менее абстрактные и более прак-

тичные теории, позволяя исправить причиненное зло. Американский экономист Пол Кругман был прав, когда утверждал, что в определенные исторические периоды все прежние знания забываются и в мире воцаряется невежество.

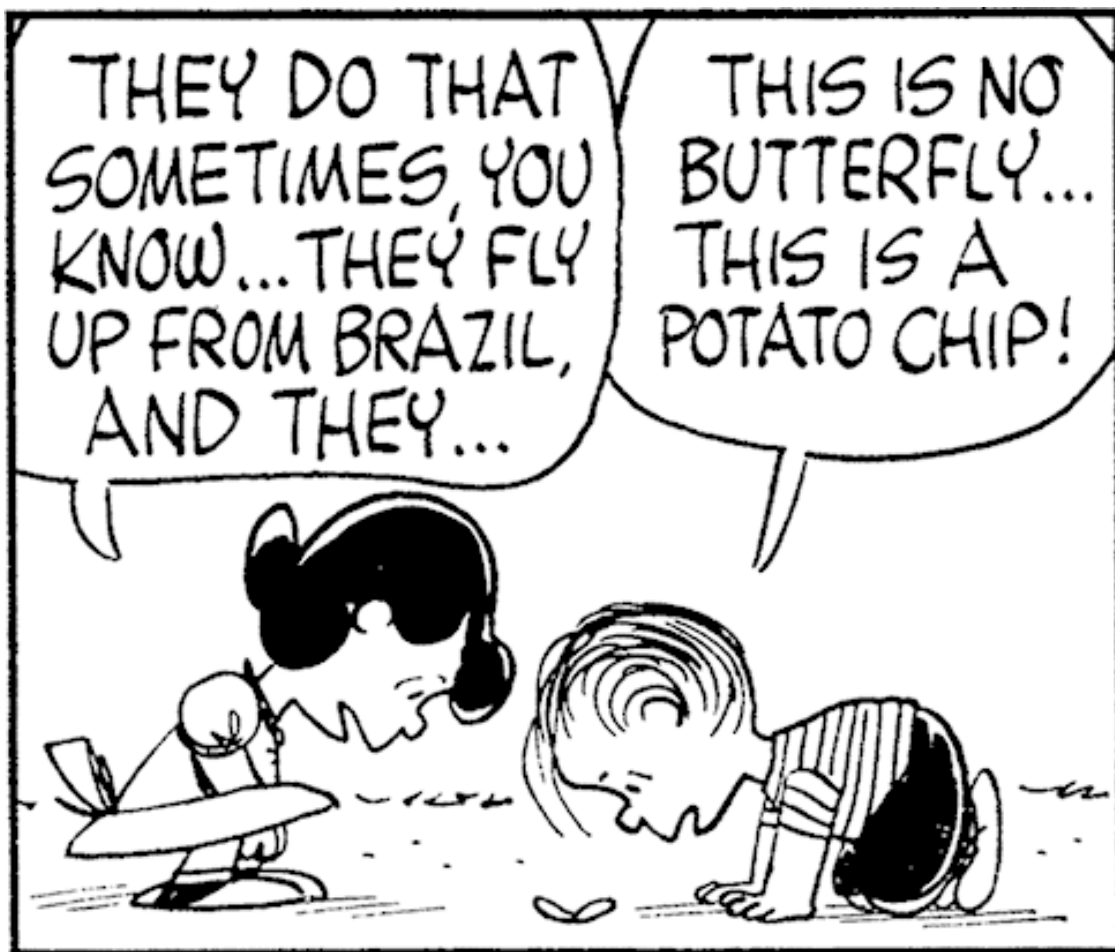
Годы шли. Я начал понимать, что существуют разные экономические теории. Причина, по которой мой вопрос никого не интересует, в том, что господствующая экономическая теория основана на предпосылках, которые порождают не только неправильные ответы, но и неправильные вопросы (илл. 1). В стандартной экономической науке понятия неравномерного развития разных стран просто не существовало. Эти вопросы захватили меня настолько, что я взял отпуск на своей фирме, чтобы написать диссертацию по экономической теории в США и попытаться найти на них ответы. Я интуитивно избегал теоретических абстракций, исключавших факторы, которые в реальной жизни могли оказаться решающими для создания бедности или богатства. Гораздо позже я узнал, как удачно сумел выразить эту мысль Гете: «Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо».

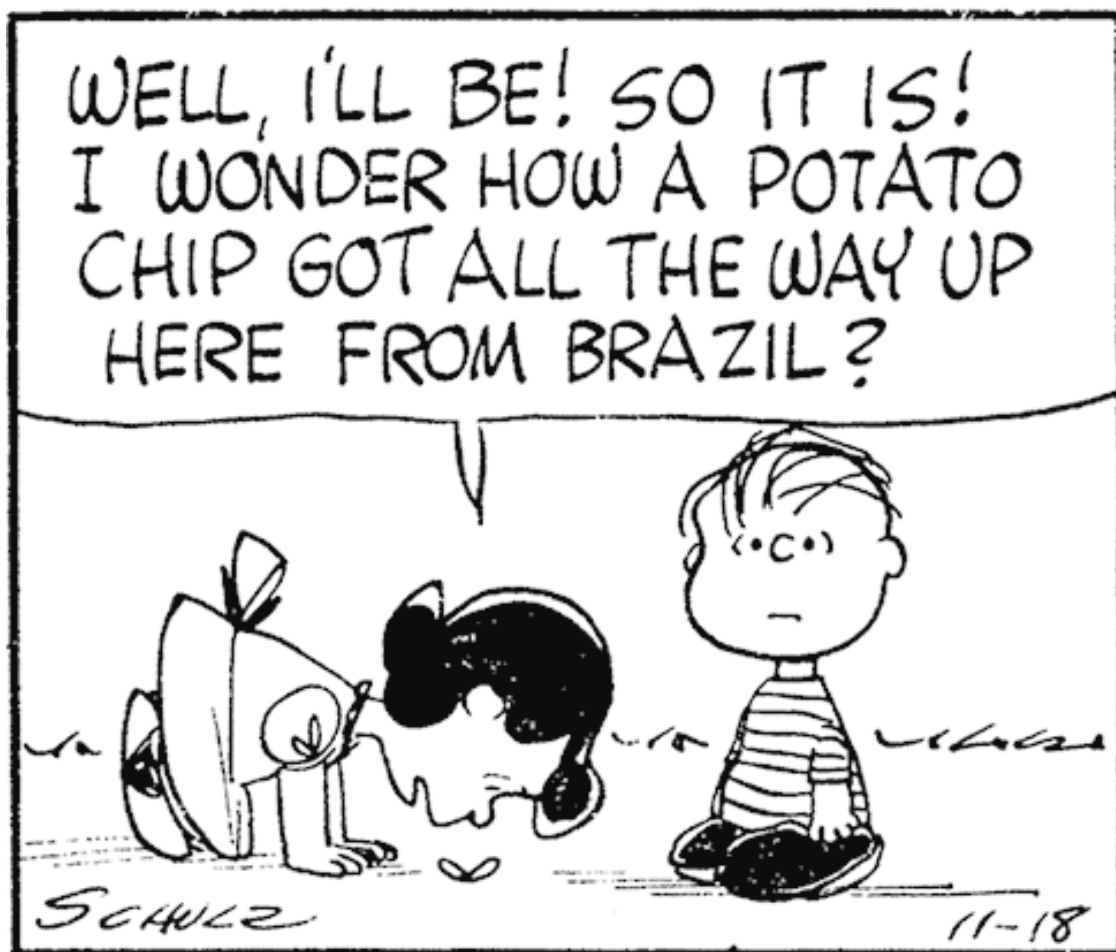
– Смотри-ка! Большая желтая бабочка!

– В это время года они почти не встречаются, если, конечно, она не прилетела из Бразилии... Наверняка так и было!

– Иногда так бывает, ты знаешь... Они прилетают из Бразилии и... – Это не бабочка... Это картофельный чипс!

– Ну ничего себе! Точно! И как это только картофельный чипс мог попасть сюда из самой Бразилии!

Как и в экономической науке, неверные предпосылки приводят не только к неправильным выводам, но и порождают неправильные вопросы. Нереалистичные предпосылки – проклятие абстрактной экономической теории начиная с теории торговли Давида Рикардо (1817 г.) и заканчивая теорией общего равновесия, сложившейся после Второй мировой войны. Эти предпосылки повлияли на либерализм и на плановую экономику коммунистических стран.

Иллюстрация 1. Неверные предпосылки рожают неправильные вопросы. Карикатура Чарльза Шульца из журнала «Peanuts»

© 1960. United Feature Syndicate, Inc. (Воспроизведено с разрешения правообладателя.)

Только через много лет я понял, что Гарвардская школа бизнеса за два года обучения незаметно сделала меня адептом альтернативной, ныне исчезнувшей экономической традиции, которая куда ближе к реальной жизни, чем сегодняшняя экономическая наука. Метод ситуационного исследования, которым пользуются в деловых школах, основан на методологии Немецкой исторической школы. Эдвин Гей (1867–1946), основатель и первый декан Гарвардской школы бизнеса, 12 лет проучился в немецкоязычных университетах и был последователем немецкого экономиста Густава Шмоллера (1838–1917) и его исторического подхода⁶.

⁶ См. *Heaton Herbert. A Scholar in Action*. Edwin F. Gay, Cambridge, Mass., 1952; *Cruikshank Jeffrey. A Delicate Experiment*. The Harvard Business School 1908–1945, Boston, 1987; *Reinert Erik. Schumpeter in the Context of Two Canons of Economic*

Стандартная экономическая наука зачастую приучает людей смотреть на мир сквозь призму методологических и математических линз, при этом упуская из вида факторы реальной жизни. Исторический же подход, напротив, собирает любые фактические доказательства, если они имеют отношение к делу. В этой книге глобализация анализируется по методу ситуационного исследования (кейс-стади), как если бы ее анализировала Гарвардская школа бизнеса. Однако мне хотелось, чтобы в мире был достигнут максимальный уровень реальной заработной платы, а не максимальный уровень прибыли. Один документ, разработанный в Гарвардской школе бизнеса, так описывает любопытство, которое является движущей силой хорошего исследования: «Непрерывно наблюдая, изучая и размышляя, вы натываетесь на какой-то факт и думаете: „Я этого не понимаю. Здесь какое-то несоответствие между теорией и тем, что я наблюдаю в реальности. Этот факт не вписывается в теорию. Мне кажется, это важно. Кто-то ошибся – либо я, либо теоретики. Я хочу это выяснить“»⁷. Какой контраст с тем, как ведет свои исследования стандартная экономическая теория, жестко ограниченная инструментами и предположениями! Она неизменно движется по пути наименьшего математического сопротивления⁸, а не наибольшей релевантности.

Я начал изучать бедные страны, чтобы понять причины их бедности. Впоследствии мне стало ясно, что бедность – это нормальное явление, вполне соответствующее картине мира, созданной экономистами. Традиционно существование богатства и бедности объяснялось тем, что разные виды экономической деятельности качественно различаются, как источники богатства. Доминирующая сегодня теория утратила эту точку зрения, хотя экономическое устройство бедных стран гораздо больше соответствует тому, что написано в стандартных учебниках по экономике, чем экономическое устройство богатых стран. Введем и поясним две пары ключевых терминов, которые описывают разницу между видами экономической деятельности, характерными для бедных и для богатых стран; это совершенная и несовершенная конкуренция, возрастающая и убывающая отдача.

Совершенная, или товарная, конкуренция означает, что производитель не может влиять на цену производимого товара, он работает на совершенном рынке и только из газет узнает, какую цену рынок готов заплатить за его товар. Такая ситуация типична для рынков сельскохозяйственных товаров и минерального сырья. Совершенной конкуренции, как правило, сопутствует ситуация, называемая убывающей отдачей: при расширении производства после достижения определенного момента увеличение количества одних и тех же факторов производства (капитала и/или труда) приводит к производству все меньшего количества продукции. Например, если вы вкладываете все больше тракторов или трудовых ресурсов в одно и то же картофельное поле, то по достижении определенного момента каждый новый работник или новый трактор будут производить меньше, чем предыдущие. Совершенная конкуренция и убывающая отдача в стандартных учебниках экономической теории считаются нормальным положением дел.

Когда расширяется производство в промышленности, затраты ведут себя противоположным образом – снижаются, а не растут. Как только механизированное производство налажено, то чем больше растет объем производства, тем меньше становятся издержки на единицу продукции. Например, первый экземпляр компьютерной программы стоит очень дорого, но все последующие копии почти ничего не стоят. В сфере услуг и обрабатывающей промышленности нет активов, зависящих непосредственно от природы, – ни полей, ни шахт, ни рыболовных угодий, ограниченных по количеству или качеству. В этих отраслях увеличение производства вызывает падение издержек или рост отдачи. Промышленным компаниям и производителям

Thought // Industry and Innovation, 2002.

⁷ Intellectual Innovation at the Harvard Business School. A Strategy. Division of Research, Harvard Business School, 1991. P. viii.

⁸ Это выражение употребляет сам Пол Кругман.

продвинутых услуг важно иметь большую долю на рынке, потому что большие объемы производства позволяют им снизить издержки производства за счет растущей отдачи. Растущая отдача создает власть над рынком: компании в большой степени могут влиять на цену того, что они продают.

Эта ситуация называется несовершенной конкуренцией.

Важно понимать, что рассмотренные понятия тесно связаны друг с другом. Как правило, возрастающей отдаче сопутствует несовершенная конкуренция; действительно, падающие удельные издержки – это одна из причин рыночной власти в условиях несовершенной конкуренции. Убывающая отдача (невозможность расширить производство за пределы определенного уровня и сохранить убывающие издержки) и затрудненная дифференциация продукции (пшеница – это всегда пшеница, а марок автомобилей может быть сколько угодно) являются ключевыми факторами установления совершенной конкуренции на рынке производства сырьевых товаров. Экспорт богатых стран развивает их экономику, т. е. увеличивает отдачу и создает несовершенную конкуренцию, а традиционный экспорт бедных стран, наоборот, влечет вредные для экономики последствия.

Веками термин «обрабатывающая промышленность» означал сочетание технологического прогресса, возрастающей отдачи и несовершенной конкуренции. Культивируя обрабатывающую промышленность, страны поощряли выгодный тип экономической деятельности. Я утверждаю, что именно так достигался экономический успех – начиная от Англии времен правления Генриха VII, продолжая индустриализацией континентальной Европы и США и заканчивая недавним взлетом Кореи и Тайваня. Однако за последние десятилетия для многих отраслей, производящих услуги, характерны стремительный технологический прогресс и возрастающая отдача, так что различия между обрабатывающей промышленностью и производством услуг стали стираться. В то же время промышленные изделия, производимые в большом объеме, приобрели многие характеристики, ранее присущие только сельскому хозяйству, хотя в число этих характеристик не входит убывающая отдача.

В богатых странах мы, как правило, наблюдаем несовершенную конкуренцию и экономическую деятельность с растущей отдачей. Постепенно я понял, что все богатые страны разбогатели одинаковым способом, используя одну и ту же стратегию, – они отказались от сырьевых товаров и убывающей отдачи ради обрабатывающей промышленности и возрастающей отдачи. Я обнаружил, что ключевые термины экономической науки с течением времени меняли свои значения. 300 лет назад английский экономист Джон Кэри (1649–1720) выступал в защиту свободной торговли, но в то же время был так возмущен, что купцы отправляют за границу непромытую шерсть, что предложил наказать экспортера смертью. Термин «свободная торговля» в те времена означал отсутствие монополий, а не тарифов. Именно культ мануфактуры Джона Кэри заложил основание для богатства Европы. Мне становилось все очевиднее, что некоторые экономисты прошлого куда лучше понимали механизмы богатства и бедности, чем мы сегодня. В диссертации, написанной в 1980 году, я попытался проверить верность теории XVII века – концепции развития и отсталости Антонио Серра. Он был очень важной фигурой, поскольку первым из экономистов сформулировал теорию неравномерного экономического развития разных государств в книге 1613 года «Breve trattato», или «Краткий трактат»⁹. О жизни Серра почти ничего не известно, кроме того что он был юристом и писал книгу, сидя в неапольской тюрьме. Он пытался понять, почему его родной Неаполь так беден, несмотря на обилие природных ресурсов, а Венеция, построенная на болоте, стала сердцем мировой экономики. Разгадка, как утверждал он, в том, что венецианцы, не имея возможности возделывать землю, как неаполитанцы, были вынуждены обратиться к промышленности и, заняв-

⁹ Serra Antonio. Breve trattato delle cause che possono far abbondare l'oro e l'argento dove non sono miniere. Naples, 1613. Фонд Другого ядра профинансировал перевод этой книги на английский язык, который скоро должен выйти.

шись обрабатывающими производствами, подчинили себе возрастающую отдачу. По мнению Серра, чтобы достичь экономического развития, необходимо заниматься разными видами экономической деятельности, для которых характерны убывающие издержки и связанная с ними растущая отдача. Тогда бедность в плане природных ресурсов парадоксальным образом может обернуться богатством.

Взяв страны южноамериканских Анд в качестве материала для исследования, я обнаружил, что развитие Боливии, Эквадора и Перу вполне соответствует схеме, предложенной Серра. В конце 1970-х годов я начал собирать книги, памфлеты и журналы разных времен, хранящие теорию и практику неравномерного экономического развития этих стран. Несмотря на то что многие механизмы богатства и бедности были выделены и описаны еще в Древней Греции, логической отправной точкой моих исследований стало самое начало XV века – время, когда в Венеции были изобретены патенты, а в Англии с восхождением на трон Генриха VII в 1485 году зародилась современная промышленная политика. Объяснение механизмов, приводивших с тех пор народы к богатству или бедности, стало главной целью моего исследования.

Я вернулся к своим изысканиям в 1991 году, сразу после падения Берлинской стены – события, которое Фрэнсис Фукуяма назвал «концом истории». Страны с плановой экономикой потерпели фиаско, поэтому стали считать само собой разумеющимся, что только свободная торговля и рыночная экономика способны сделать все страны мира одинаково богатыми. Дальнейшее развитие этой апокалиптической логики становится понятнее в свете так называемого миропонимания холодной войны, распространенного среди экономистов, принадлежащих к мейнстриму. По причинам, которые мы обсудим в следующей главе, холодная война перечеркнула не только теоретические вопросы, в прошлом считавшиеся важными, но и прежнее разделение на единомышленников и противников. Проблемы, которые считались ключевыми для понимания неравномерного развития разных стран, в современном дискурсе исчезли без следа. Вот почему необходимо выйти за рамки миропонимания холодной войны и заново пересмотреть прежние экономические теории. К примеру, согласно мировоззрению холодной войны, Карл Маркс и Авраам Линкольн – противники; при этом Линкольн представляет силу добра, т. е. свободу и рынки. Однако в свое время Линкольн и Маркс придерживались одной точки зрения в экономической политике. Оба не одобряли английскую экономическую теорию, которая не учитывала роли производства, а также свободную торговлю, преждевременно навязанную стране¹⁰, и рабство. Сохранились их вежливые письма друг другу. В полном согласии с этими фактами Карл Маркс вел регулярную колонку в газете «New York Daily Tribune», печатном органе Республиканской партии Линкольна, с 1851 по 1862 год. Я не хочу сказать, разумеется, что Маркс и Линкольн были единомышленниками во всем, но они сходились во мнении, что богатство народов создается путем индустриализации и технологического прогресса.

В XX веке знаменитый консерватор, австрийский американец Йозеф Шумпетер (1883–1950) продемонстрировал, что политическое единодушие не обязательно означает единодушное экономическое. В предисловии к японскому изданию книги «Теория экономического развития» (немецкое издание вышло в 1912, английское – в 1934, а японское – в 1937 году) Шумпетер подчеркивает сходство между Марксовым пониманием развития мира и своим собственным, но замечает, что это сходство перечеркивается огромными мировоззренческими разногласиями. В сущности, лучшая промышленная стратегия, вероятно, рождается там, где марксисты и шумпетерианцы являются политическими союзниками, что, как можно доказать, произошло в Японии после Второй мировой войны.

¹⁰ В 1848 году Маркс даже выступал в защиту свободной торговли, потому что она должна была ускорить начало революции (сделав бедные страны еще беднее).

Самая продаваемая книга в истории экономической мысли – «Философы от мира сего» Роберта Хайлбронера (1969 г.). Последнее прижизненное издание книги (1999 г.) Хайлбронер завершил печальным заключением, что важная ветвь экономической науки, которая основывается на опыте, а не только на цифрах и символах, находится на грани отмирания. Речь идет о той самой экономической науке, которой Европа обязана своим богатством, а Гарвардская школа бизнеса – методом кейсстади. Позднее я понял, что в традиции, описанной Хайлбронером, меня можно назвать экономистом-некрофилом. Те, кто рассуждал так же, как я (а их было немало), в большинстве своем давно умерли. Сейчас коллекция книг, которую я собираю вот уже 30 лет, насчитывает почти 50 тыс. томов, в ней задокументирована история экономической мысли и политики за последние 500 лет. Эта любовь к идеям прошлого у меня, однако, сочетается с обширными наблюдениями за современной реальностью во всем ее многообразии. Я проводил свои исследования в 49 странах всех обитаемых континентов и еще в нескольких странах побывал как турист. Все эти 30 лет идеи, которые не укладывались в миропонимание холодной войны, были решительно немодными. Мне стало ясно, что экономистов как группу можно описать теми же словами, которыми когда-то в Европе в шутку определялась нация, – это группа людей, объединенных общим непониманием своего прошлого и общей неприязнью к соседям (в данном случае – соседним областям науки, таким как социология и политология). Каноническая последовательность трудов, описываемая историей экономической мысли, отличается от последовательности книг, оказавших наибольшее влияние на умы своего времени. Когда гарвардский библиотекарь Кеннет Карпентер составил список из 39 экономических бестселлеров периода до 1850 года¹¹, оказалось, что он содержит важные труды, которые историки экономической мысли проигнорировали. По правде говоря, французские физиократы, которых традиционная история экономической мысли считает отцами-основателями экономической науки, имели косвенное влияние на экономическую политику. Так, физиократия не добралась до Англии, где критики физиократии были переведены и изданы задолго до самих физиократов. Идеи физиократов недолго были популярны даже в родной Франции, опровергнутые катастрофическими последствиями применения их на практике – нехваткой продовольственных запасов и голодом. После этого идеи антифизиократов – те самые, которые почти не упоминаются в истории экономической мысли – быстро одержали верх. Собственного говоря, последней каплей была пришедшая в Париж новость, что антифизиократ Жак Неккер (1732–1804) снят с поста министра финансов. Поразительно: Неккер упоминается в почетном списке Карпентера как автор одного из трех самых популярных трудов по экономике.

Мне стало очевидно, что тип экономического мышления, к которому сегодняшние богатые страны прибегали в период своего перехода от бедности к богатству, утерян. Благодаря повсеместному отсутствию интереса к избранной мной теме и помощи небольшой группы букинистов мне удалось собрать материал, иллюстрирующий эту ныне забытую, но от этого не менее актуальную экономическую логику. Теории, которые когда-то помогли богатым странам разбогатеть, исчезли из современных учебников и практической экономической политики, но одновременно с этим тексты, в прошлом породившие успешные экономические стратегии, исчезали из библиотек. Похоже, генетический материал мудрости прежних времен намеренно уничтожался. Библиотеки крупных университетов США придерживаются правила, что хотя бы в одной из них должен храниться один экземпляр каждой книги, но и эта стратегия не лишена риска¹²: известны случаи, когда Библиотека Конгресса «теряла» свой экземпляр. Когда единственный известный экземпляр книги немецкого экономиста XVIII века Иоганна Фридриха фон Пфайффера (1718–1787) был утерян из библиотеки Гейдельбергского универ-

¹¹ *Carpenter Kenneth. The Economic Bestsellers Before 1850. Kress Library of Business and Economics, Boston, 1975, текст доступен в электронном виде по адресу <http://www.othercanon.org>*

¹² Этот процесс беспокоит многих библиотекарей в США.

ситета во время Второй мировой войны, решили, что в Германии не осталось ни одного ее экземпляра¹³. Тем приятней было мне несколько лет назад обнаружить уцелевший том.

В недобром 1984 году Библиотека Бейкера при Гарвардском университете решила избавиться от книг, которые за последние 50 лет никто не запрашивал. Среди этих книг оказалась почти вся коллекция Фридриха Листа (1789–1846), важного немецкого теоретика промышленной политики и теории неравномерного развития. Один бостонский букинист сообщил мне, что купил у Библиотеки Бейкера книги, которые, как он выразился, «как будто специально для тебя продавались». Ониполнили мою коллекцию. Десять лет спустя я навещал гарвардского профессора, работавшего над сравнением идей Адама Смита и Фридриха Листа. Когда он пожаловался мне, что в Библиотеке Бейкера не хватает материала по Листу, я рассказал ему, куда делись эти книги. Чтобы не быть голословным, я послал ему титульные страницы необходимых ему книг, на которых красовались аккуратные штампы с логотипом Гарвардского университета: «Списано».

Аналогичным образом в 1970-е годы Нью-Йоркская публичная библиотека решила перевести в формат микрофильмов всю коллекцию памфлетов¹⁴, и все оригинальные материалы были отправлены в макулатуру. Каким-то чудом их спас коллекционер Майкл Зинман. Через 20 лет их обнаружили в его сарае в нью-йоркском районе Ардсли. Мне сообщил об этом знакомый лондонский букинист. Мы с моей женой-библиотекарем провели в общей сложности 4 дня, роясь в куче из 170 тыс. памфлетов, с которых для удобства сканирования были срезаны корешки. Примерно 2300 памфлетов мы увезли домой. В них была вся история экономической политики США начала XIX века: сотни речей, произнесенных в сенате и палате представителей (каждая была издана отдельно) и тысячи документов, повествующих о том, что происходило в стране, пока Соединенные Штаты продвигались от бедности к богатству. Несколько ценных памфлетов и первые издания Давида Рикардо, также отправленные в макулатуру, кто-то уже забрал, но для меня они не представляли интереса, так как эти тексты много раз переиздавались. Настоящими сокровищами были для меня неприметные тексты дебатов об экономической политике не только в США, но и в дюжине других стран, написанные на разных языках. Эта дискуссия не отражена ни в экономической истории США (как правило, написанной в исторической традиции «особого предназначения США»), ни в истории экономической мысли. Только небольшие ее отрывки можно найти в исследованиях, посвященных истории американской политической мысли. Риторика и идеология во многом заслонили от американцев их собственное прошлое.

История открывает нам, как богатые страны богатели при помощи методов, которые сегодня практически полностью запрещены условиями Вашингтонского консенсуса¹⁵. Разработанный в 1990 году, сразу после падения Берлинской стены, Вашингтонский консенсус потребовал среди прочего либерализации торговли, прямых иностранных инвестиций, дерегулирования и приватизации. По мере внедрения реформы Вашингтонского консенсуса стали практически синонимом неолиберализма и рыночного фундаментализма.

В ранние 1990-е годы стали популярными теории Йозефа Шумпетера. К моему большому везению, историю экономической мысли мне преподавал Артур Смитис, один из ближайших гарвардских друзей Шумпетера¹⁶. Курс его во многом был посвящен Шумпетеру и его

¹³ Grundriss der Staatswirtschaft zur Belehrung und Warnung angehender Staatswirte. Frankfurt, 1782.

¹⁴ Непереплетенные книги объемом до 90 страниц.

¹⁵ Это означает, что Соединенным Штатам было суждено разбогатеть, несмотря на такие «ошибки», как поддержка индустриализации. Ранние обзорные статьи на эту тему см.: Catching-up From Way Behind – A Third World Perspective on First World History // Fagerberg Jan, Verspagen Bart, Tunzelmann Nick von (eds). The Dynamics of Technology, Trade, and Growth, Aldershot, 1994; Competitiveness and Its Predecessors – a 500-Year Cross-National Perspective // Structural Change and Economic Dynamics. 1995. Vol. 6; The Role of the State in Economic Growth // Journal of Economic Studies. 1999. Часть этих вопросов затрагивает мой коллега Чан Ха-Джун в своей книге «Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective (London, 2002).

¹⁶ Смитис также написал некролог на смерть Шумпетера в журнале «Quarterly Journal of Economics».

теориям. Хотя сам Шумпетер не интересовался проблемой бедности, мне казалось, что его теории по умолчанию описывают бедность и могут помочь мне объяснить, почему принципы Вашингтонского консенсуса оказались столь разрушительными для столь многих беднейших стран мира.

В своей работе я попытался объединить несколько учебных дисциплин: прежде всего эволюционную (шумпетерианскую) экономическую теорию, экономику развития, историю экономической мысли и экономическую историю. Мне показалось, что для понимания неравномерного экономического роста разных стран нужны два новых направления исследований – немарксистская теория неравномерного роста¹⁷ и история экономической политики. Ни того ни другого нет в природе, однако если бы эти дисциплины существовали, они должны были бы быть тесно взаимосвязаны. История экономической мысли рассказывает нам о действиях, которые Адам Смит рекомендовал предпринять Англии, но нет такой науки, которая рассказывала бы о действиях, которые Англия на самом деле предприняла и которые мало имели общего с рекомендациями Смита.

То, как я себя чувствовал на протяжении многих лет, прекрасно описывает отрывок из письма Никколо Макиавелли, датированного 10 декабря 1513 года¹⁸: «Я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; на пороге я снимаю рабочую одежду, покрытую пылью и грязью, и надеваю одежды для суда и дворца. Одетый подобающим образом, я вступаю в почтенный суд древних, где, великодушно принятый ими, я вкушаю ту пищу, которая *единственная* подходит мне и для которой я был рожден; *где я без стеснения беседую с ними и спрашиваю о мотивах их действий, и они, в своей человеческой доброте, отвечают мне* [курсив мой]. И четыре часа кряду я не чувствую скуки, я забываю все свои беды... Я полностью растворяюсь в них».

Теперь несколько слов специально для читателей из стран третьего мира. На первый взгляд может показаться, что эта книга этноцентрична и посвящена только Европе. Она не открывается, к примеру, взглядами норвежско-американского экономиста Торстейна Веблена (1857–1929) на капитализм как на продвинутую систему пиратства, хотя история подсказывает нам, что эта точка зрения также имеет право на существование. Вместо этого я рассказываю о том, как Европа построила экономическую власть, которая сделала возможной ее превосходство, ее экономию на масштабах в использовании силы. Эта книга не повествует о преступлениях и несправедливостях, которые белые (европейцы и прочие) творили в странах третьего мира. Она посвящена куда менее заметным и, в конечном итоге, даже более вредоносным для стран третьего мира последствиям экономических и общественных теорий, которые игнорируют главные факторы создания богатства или бедности. В книге нет ничего о рабстве как таковом; она о наследии рабства, оставшемся в производственной, общественной и земельно-владельческой системах; оно и сегодня тормозит экономическое развитие. Эта книга о капитализме как о системе производства, а также о правильной и неправильной экономической политике.

Неевропейских цивилизаций в истории человечества было гораздо больше, чем европейских. Важной частью европейской истории является эмуляция технологий и умений обитателей других континентов – мусульманского мира, Азии и Африки¹⁹. В 1158 году епископ Отто фон Фрайзинг повторил то, что всем было известно: «вся человеческая власть и наука пришли с Востока». Недавние исследования показали, как мало различались Китай и Европа

¹⁷ Эта теория не исключила бы Марксова понимания экономического развития. Мой подход к Марксу развился, как я обнаружил, до уровня подхода к нему большинства немецких экономистов сто лет назад: анализ прекрасный, но практические рекомендации никуда не годятся. В предисловии в японскому изданию «Теории экономического развития» ярый консерватор Шумпетер писал, что его анализ весьма похож на анализ Маркса.

¹⁸ Письмо процитировано по: *Niccolò Machiavelli. Tutte le opere storiche e letterarie*. Florence, 1929.

¹⁹ *Hobson John. The Eastern Origins of Western Civilisation*. Cambridge, 2004; *Bernal Martin. Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*. New Brunswick, NJ, 1991.

еще в 1700 году²⁰; очевидно, что взгляд Европы и Запада на остальной мир уже давно замутнен европоцентристскими предрассудками против других народов и культур²¹. Недавно прозвучала версия, что преимущества Евразии заключались в климате, бактериях и приручаемых животных²². Также подчеркивалась важность коровы как источника молока, мяса и навоза.

Однако возможен и другой взгляд на Европу – как на отсталый континент, который не консолидировал своих границ вплоть до осады Вены мусульманами в 1683 году. Тысячелетие, прошедшее со времен Мухаммеда до осады Вены, Европа непрерывно защищала свои восточные и южные границы от монголов и мусульман²³, частично, разумеется, посредством собственной агрессии. Монгольское вторжение добралось до Адриатического побережья в Далмации и зашло уже далеко на территорию сегодняшней Польши, когда смерть великого хана в 1241 году вынудила монголов вернуться домой. Константинополь покорился мусульманам в 1453 году, ознаменовав кончину Восточной Римской империи и конец Византии – возможно, единственной в мире тысячелетней империи. Так мусульмане получили контроль над Балканами и Восточным Средиземноморьем. Венеция, защитница юго-восточных границ Европы, постепенно лишалась своих владений в Восточном Средиземноморье. Перелом в пользу разобщенных европейских стран наступил только в 1571 году, после битвы при Лепанто, которая ненадолго объединила основные европейские силы.

Что же помогло Европе в дальнейшем стать такой сильной?

Как и почему, в свете сегодняшнего огромного разрыва в уровне доходов разных стран, удалось Европе к XVIII веку так равномерно развиваться от Северной Швеции до Средиземноморья? Почему повторение этого успеха в Африке кажется невозможным? Понятно, что прогрессу Европы способствовали многие факторы: географическое местонахождение ее источников энергии (угля), наличие в колониях пищи, древесины и рынков, а также жестокость, религиозный фанатизм, организаторские способности, институциональная изобретательность (например, разработка метода двойной бухгалтерии) и интеллектуальное любопытство.

Наиболее важными я считаю механизмы, появившиеся благодаря многообразию и раздробленности Европы, – географические, климатические²⁴, этнические и политические. Их не было в крупных азиатских империях, они создавали банк альтернативных идей и подходов на рынке идей; стали отправной точкой для конкуренции, которая создавала и поддерживала эмуляцию между разными странами. История Европы – это прежде всего история того, как экономическая политика сумела преодолеть устрашающие преграды, поставленные на пути к богатству географией, климатом и культурой. Еще 200 лет назад путешественники, посетившие такую отдаленную страну, как Норвегия, не считали ее способной на дальнейшее развитие.

Основная стратегия, сделавшая Европу такой равномерно богатой, заключалась в том, что экономисты Просвещения называли эмуляцией (*англ.* emulation)²⁵, а также в применении обширного инструментария, разработанного для этой цели. Оксфордский словарь английского языка определяет слово *emulation* как «попытку сравниться с другими или превзойти их в каком-либо достижении или качестве; желание или стремление сравняться или превзойти». Эмуляция была по своей сути позитивным и активным усилием, в отличие от зави-

²⁰ Pommeranz Kenneth. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton, 2000.

²¹ Edward Said. Orientalism, New York, 1978.

²² Даймонд Джаред. Ружья, микробы и сталь. М.: АСТ, 2004.

²³ Эти вопросы обсуждаются в статье Патрика О'Брайена «Historiographical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History» в журнале «Journal of Global History». 2006. Vol. 1. Issue 1.

²⁴ О важности географического и климатического разнообразия для развития цивилизации в Андах см.: Murra John. La organización económica del estado inca. México, 1978; and subsequent works.

²⁵ Слово *emulation* в нашу семью принес мой сын Софус. Эмуляции посвящена диссертация, которую он пишет в Кембриджском университете об истории экономической мысли и политики. Это слово прекрасно описывает все то, что я раньше называл бенчмаркингом (benchmarking).

сти²⁶. В современной науке эмуляции можно найти эквиваленты в терминологии американского экономиста Мозеса Абрамовица (1912–2000), идеи которого о *догоняющем развитии* и *опережении* созвучны тому же пониманию динамической конкуренции.

Современная экономическая теория рекомендует для развития стратегию сравнительного преимущества. Эта стратегия основана на торговой теории Давида Рикардо, гласящей, что страна должна специализироваться в таком виде экономической деятельности, в котором она относительно наименее неэффективна (Приложение I). После шока 1957 года, когда Советский Союз запустил первый спутник и стало ясно, что СССР опережает США в космической гонке, русские могли бы, вооружившись торговой теорией Рикардо, аргументированно утверждать, что американцы имеют сравнительное преимущество в сельском хозяйстве, а не в космических технологиях. Последние, следуя этой логике, должны были бы производить продовольствие, а русские – космические технологии. Однако президент Эйзенхауэр выбрал тогда стратегию эмуляции, а не сравнительного преимущества. В 1958 году была основана НАСА, чтобы *эмулировать* Советский Союз, и это было стратегической мерой в лучших традициях Просвещения, но решительно противоречило духу Рикардо. Экономическая наука Рикардо, строго говоря, создала некоторые элементы самоотносимой логики, напоминающие худшие карикатуры времен схоластики. Поскольку из теории были исключены динамические элементы, создающие необходимость в эмуляции, логика Рикардо приводит к алогичным практическим решениям. Динамические элементы технологического развития и прогресса, создающие наглядную логику соревнования, а не статичную специализацию, в его теорию просто не попали.

Читателям из стран третьего мира будет, вероятно, интересно узнать, что герои этой книги, экономисты континентальной Европы, были в большинстве своем отнюдь не этноцентристами. Джованни Ботеро (ок. 1544–1617), который успешно исследовал причины богатства городов, написал знаменитую книгу по мировой географии «*Relazioni Universali*» («Универсальные реляции»). Он с энтузиазмом описывает разнообразие культур мира. Саамов, коренных жителей северной Скандинавии, он хвалит за умение строить лодки без использования гвоздей, а также за использование вида транспорта, возможно, самого быстрого во всем мире, – оленьей упряжки. Немецкие экономисты XVIII века Христиан Вольф (1679–1754) и Иоганн Генрих Готтлоб фон Юсти (1717–1771) превозносили в своих книгах достоинства китайской цивилизации; Юсти также восхищался цивилизацией инков²⁷. Оба считали, что Европа должна эмулировать неевропейские институты. В 1723 году Вольф был изгнан из Галльского университета, где всем заправляло протестантское движение пиелистов, а все потому, что высказал мнение, что китайская философия и этика достойны восхищения и доказывают, что моральные истины можно найти и за пределами христианского мира. Вольфа спасло соперничество между двумя небольшими немецкими государствами: он перебрался в соседнее, правитель которого давно зазывал его в свой – Марбургский – университет. Строго говоря, европейский этноцентризм, важная составляющая колониализма и империализма, обрел силу только в 1770-е годы, когда прежние этнические нации стали мешать появлению национальных государств и империй. Должен заметить, что я не пытался пропускать тексты экономистов прошлого сквозь современный фильтр политической корректности. Там, где Маркс и остальные писали *варварство*

²⁶ Hont Istvan. *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation State in Historical Perspective*. Cambridge, Mass., 2005.

²⁷ Wolff Christian. *The Real Happiness of a People under a Philosophical King Demonstrated; Not only from the Nature of Things, but from the undoubted Experience of the Chinese under their first Founder Fohi, and his Illustrious Successors, Hoam Ti, and Xin Num*. London, 1750; *Johann Heinrich Gottlob von Justi. Vergleichungen der Europäischen mit den Asiatischen und andern vermeintlich Barbarischen Regierungen*. Berlin, 1762.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.